

жила полнокровной жизнью, но, по наблюдениям собирателей, «слушающей аудитории современный сказочник не имеет, т. е. активной жизнью сказка почти не живет» (стр. 37). Разумеется, однако, что они «остаются любимым чтением детей и многих взрослых» (Там же).

Такое же состояние сказочной традиции наблюдается повсеместно. Угасание устной и «живучесть» книжной сказки — знамение времени, характерная черта современной культуры, результат тех изменений, которые произошли в жизни и быте народа.

Сборник «Русские сказки Карельского Поморья» выполнен на высоком научном уровне — это бесспорно один из лучших сборников, вышедших в послевоенные годы. Кроме бережно и точно записанных текстов, в нем имеются список сказочников Карельского Поморья, опись сказок, хранящихся в архиве Карельского филиала АН СССР; указатель сюжетов публикуемых в сборнике сказок; словарь местных слов; развернутые комментарии к отдельным сказкам, в которых даны необходимые ссылки на указатели сказочных сюжетов, указаны опубликованные ранее варианты сказок и раскрыты характерные особенности вошедших в книгу текстов.

Таким образом, научный аппарат сборника, охватывающий свыше 5 печатных листов, является органичной частью публикации; он превращает сборник текстов в комплексное фольклористическое исследование.

Петрозаводское издательство «Карелия» может гордиться этой книгой, отвечающей высоким требованиям современной науки к публикациям подлинного фольклора.

Э. В. Померанцева

В. П. З и н о в ь е в. Жанровые особенности быличек. Иркутск, 1974, 89 стр.

Изданное Иркутским государственным университетом имени А. А. Жданова учебное пособие для студентов-филологов является результатом большой исследовательской работы автора по данной теме.

До недавнего времени в советской фольклористике с недостаточным вниманием относились к изучению быличек как жанра, хотя существование его отмечали еще Н. Е. Ончуков, П. Н. Рыбников, Д. Н. Садовников, Д. К. Зеленин, Б. и Ю. Соколовы и др. Работа В. П. Зиновьева — шаг вперед на пути изучения русской прозы. Практически это одно из первых исследований¹, в котором освещаются проблемы жанрового своеобразие быличек, их классификации и современного бытования на оригинальном материале, собранном автором в Читинской и Иркутской областях и в Бурятской АССР за последнее время.

Книга состоит из введения и трех глав.

Во «Введении» говорится об истории собирания и изучения быличек в русской и советской науке. К сожалению, автор не учитывает многих достижений в изучении народной прозы в зарубежной фольклористике.

Одной из положительных сторон книги, на наш взгляд, является выдвинутый автором принцип «повсеместной и безоговорочной фиксации материала» (стр. 16), что позволило коснуться вопросов истории и эволюции жанра, взаимовлияния жанров и современного бытования.

Первая глава посвящена жанровому своеобразию былички, определению ее места в системе жанров устной народной прозы. Здесь автор обращается к истории систематизации несказочной прозы в советской фольклористике, не высказывая, однако, своего отношения к ней. Далее затрагиваются вопросы происхождения быличек, рассматривается образ сверхъестественного существа и образ свидетеля необычного происшествя, говорится о структуре быличек, о способах построения рассказа и схеме развития конфликта в нем. Большое внимание уделяется особенностям исполнения и стиля быличек с учетом условий исполнения данного жанра.

Заключает главу раздел, в котором рассматривается отличие былички от волшебной сказки, от устных рассказов, преданий и религиозных легенд и обращается внимание на взаимовлияние жанров. Все это иллюстрируется текстами, записанными самим автором.

Таким образом, заключительная часть главы как бы переключается с первой ее частью. Методически такое построение оправдано. Идя от теоретического экскурса, читатель, в данном случае студент, уясняет основные жанрообразующие моменты былички и может уже вместе с автором рассуждать о месте быличек в ряду несказочной прозы. Жаль только, что автор не дает своего определения жанра.

¹ См. также: Э. В. Померанцева, Жанровые особенности русских быличек, в кн.: «История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международной съезд славистов», М., 1968; ее же «Мифологические персонажи в русском фольклоре», М., 1975.

Вторая глава посвящена классификации быличек. Автор совершенно справедливо в основу внутренней систематизации жанра положил своеобразие функций главного героя былички.

Он выделяет группы быличек «о сверхъестественных существах» жилых мест (домовой, банник, кикимора), леса (леший, лесная русалка), воды (водяной, русалки, водяные черти), неба и ада (ангел и черт), о людях со сверхъестественными способностями (ведьма, колдун), о «заложных» и прочих мертвецах (умершие ведьмы и колдуны, неотпетые и непомянутые, умершие неестественной смертью и др.—стр. 52).

В. П. Зиновьев отмечает сходство функций персонажей разных групп, а также типовые различия, определяемые характером персонажа былички. Так, например, можно говорить о сходстве типов быличек о домовом, о лешем, о водяном и различии их с типом быличек о колдуне, ведьме, мертвецах (стр. 49—51). Большой интерес представляет третья глава, в которой освещаются особенности современного бытования быличек. Автор обращает внимание на то, что сохранившиеся пережитки верований, отраженные в быличке, все менее волнуют слушателя. Он высказывает мысль, кстати, основанную на наблюдениях ученых XIX в., о том, что исполнение быличек не всегда свидетельствует о пережитках суеверия в сознании их носителей. Причину сохранности жанра автор видит в том, что былички — это «жанр фольклора, обладающий специфическими средствами воздействия на слушателя и представляющий для носителей определенную художественную ценность» (стр. 59). По его утверждению, эстетическая функция быличек у современных исполнителей преобладает над практической.

Недостатком работы В. П. Зиновьева можно считать нечеткое разграничение структурных типов суеверных рассказов (меморат и фабулат). Если для исполнения мемората вера в сверхъестественное обязательна (иначе рассказа просто не будет), то исполнение фабулаты, т. е. сюжетного рассказа, возможно и неверующим исполнителем, что дает возможность говорить о преобладании у него эстетической функции. Не случайно же именно суеверные фабулаты, или, как их часто называют, бывальщины, тяготеют к сказке, а иногда и становятся ею. Это рассказы о мертвецах, колдунах, ведьмах и знахарях, о леших и водяных.

Следствием упомянутого недочета является и мнение автора о том, что быличка выживает за счет смены «социально-бытовой» функции (до революции — практическая, после революции — эстетическая; стр. 64, 65). Однако изменение функции — это уже не эволюция, а трансформация жанра, которая говорит о его деградации, а затем ведет и к исчезновению жанра.

Интересно наблюдение В. П. Зиновьева над одним из «важных направлений в эволюции быличек», проявляющимся в «усложнении сюжета, в обогащении арсенала изобразительных средств» (стр. 70), что, как считает автор, «явилось следствием изменения социальной роли жанра» (стр. 71).

Завершает третью главу очень интересный раздел «Былички и „страшилки“ в среде детей». Автор показывает своеобразную трансформацию традиционных текстов быличек в устах детей. Совершенно прав исследователь, говоря, что былички функционально сближаются со «страшилками» только в детской среде.

В кратком заключении суммируются основные положения работы, касающиеся главных жанровых признаков былички. К сожалению, автор порой забывает о назначении своей книги (учебное пособие для студентов) и не дает четких формулировок, обобщающих выводов. Целевая неопределенность делает труд иногда чем-то средним между методическим пособием и расширенным авторефератом диссертации.

В целом работа В. П. Зиновьева, написанная на высоком профессиональном уровне, богато проиллюстрированная современными материалами, очень интересна и полезна для каждого, занимающегося проблемами народной прозы.

С. Г. Айвазян

Народные песни Ингерманландии. Л., 1974, 516 стр.

Ингерманландией называли часть территории современной Ленинградской области, где наряду с русскими издавна жили водь, ижора и ингерманландские финны (*inkehrilaiset*). Все их относят к прибалтийско-финской языковой группе финно-угорских народов.

Народная поэзия финноязычных групп Ленинградской области до последнего времени оставалась вне поля зрения советских фольклористов, почти не собиралась и не изучалась. Теперь этот пробел в известной мере восполнен.

Сборник «Народные песни Ингерманландии», подготовленный группой сотрудников Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР — Э. Киуру, Э. Кюльмясу и Т. Коски, не только первое научное издание народной поэзии ижор и ингерманландцев, но и первая большая работа его составителей. Издание подготовлено на основе архивных материалов Карельского филиала АН СССР и фонотеки Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, которые практически сложились из записей составителей. В этой работе они, можно сказать, почти не имели предшественников. Начиная с 1965 г. Э. Киуру активно собирал